

Пылёва Ирина

Это не я
или история одной смерти

Краснодар
2008

Все это опробовано на нас самих.

Эту историю сделали мы сами. Историю о любви, чистой и доброй, трепетной и нежной, как сами облака, гонимые нетерпеливым ветерком, как бережливый зимний лед, сковавший Быструю воду.

Но лучше бы её просто не было. Она, как резкий запоздалый всплеск эмоций, который совсем некстати, если, конечно, вы не думаете что жизнь — это счастье.

~

— И через боль придет к нам очищение, и через страдания мы понимаем, что живем, — так я говорила сидящей напротив меня женщине, которая была явно не совсем готова к виду моих серых сухих рук, мертвых истонченных волос. Я смотрела ей прямо в чайного цвета глубокие глаза своими, мутными, впалыми в уютный череп, заботливо обтянутый тонким пергаментом желто-серой кожи, тусклыми глазами, потерявшими надежду на то, что жизнь когда-нибудь станет долбанным счастьем. Продолжаю свою терапию:

— Так из человека вымоется всё. Поток через душу, эта боль выбьет все плохое, как пыль из пледа. Она изменит сильного, поднимет его на новый уровень, сделав его сильнее. Как молодое дерево одевается твердой и грубой корой, сменяя нежную кожу.

Слабого это убьет, не оставив ему ни шанса на существование, ни одной капельки живительной силы, — для меня этот монолог — привычные слова. Я редко их меняю, потому что они подходят почти ко всем людям без исключения, ко всем ситуациям и событиям. Ко всем, кто когда-либо приходил ко мне для проведения моей терапии. Хотя, если бы вы меня увидели, предпочли бы, чтоб я даже и не начинала ничего говорить.

Женщина молчала. Она уже больше не плакала, потому что поняла свою силу надо мной, поняла мою слабость перед ней, поняла, что её жизнь — это просто праздник. Счастливая жизнь. Салюты и торты.

Это была высокая, стройная, идеальная женщина, от которой, как это часто случается, ушел муж. Звали её, кажется, Лидией. Строгий коричневый костюм, блестящие локоны темных волос, высокая шпилька. Я сразу поняла, что эта женщина не говорила никому о своих переживаниях, потому что все привыкли видеть её сильной и успешной. Но только мне она не побоялась рассказать обо всем, что было у неё в душе. То, что с ней произошло — самое обычное дело. От Лидии ушел муж. Сначала, вернее, до того, как она познакомилась сегодня со мной, идеальная женщина это помнила и переживала, плакала ночами и пила таблетки от давления, хотела

«Пройди через все — пойми, на что ты способен в этом мире! Только сегодня, только у нас, звони прямо сейчас! Первому дозвонившемуся — скидка!» К чему все это. Коротко говоря, ты никогда не поймешь, что многие твои беды — ерунда, пока тебе будет, чем питаться или что пить. Или где спать. Или чем жить. Или пока ты можешь дышать. Об этом стоит помнить всегда, каждое утро, просыпаясь, говори себе: «Я счастливец, потому что мне не больно дышать или смотреть». И если только жизнь изменится, как только придет что-то иное, наше понимание и наше собственное тело заставляет нас выбирать приоритеты. С этим ничего не поделаешь: круг сравнения замкнутый, гладкий и блестящий, как его не переверни. Это ровное скользкое и холодное кольцо из белого золота, оно так ласкает пальцы, когда они касаются его, а потом резко обжигает. Его можно потрогать, погреть ладонками, прочувствовать. Суть моей терапии-сравнения предельно проста: до тех пор, пока ты не начинаешь чувствовать свой каждый вздох или глоток через мучительную боль, то не знаешь, что на самом деле важно и действительно больно. Потому отвлекаешься на мелочи. Но если посмотреть со стороны на человека, действительно знающего о боли, так как его собственная шкура

изранена и поедена настоящими бедами, притом эти самые беды не постеснялись быть написанными прямо на лице, то получается эффект терапии. Это моё личное изобретение. Выходит так, что если этого человека, то есть меня, послушать, потрогать, изучить и пожалеть, то появится возможность начать жить заново. Второй шанс.

Только у нас, звоните прямо сейчас! Сегодня и всегда со скидкой. Количество подарков ограничено сроком годности.

~

Как Вы понимаете, я начала заниматься терапией не специально. Так получилось. Я делаю лишь то, что могу. Для остального руки уже не поднимаются, в прямом смысле.

Порой отсутствие логики и какого-либо объяснения поступков и происходящего приносит нам куда больше страдания и боли через непонимание происходящего или невозможность подвести под чем-то логическую черту, чем сами эти поступки и происходящие события. Ты постоянно анализируешь все, пропускаешь через себя, думая, что поймешь когда-нибудь то, что было непонятным сразу. Ничего не выходит, ты забываешь, но все равно периодически возвращаешься, начинаешь страдать по-новому, пропускаешь через себя все заново вновь и вновь, чтобы дать этому

умереть и пойти в гадалке-цыганке, потом никому ничего не говорила и снова плакала, потом снова хотела умереть, придумывала варианты мести и прощения и так до бесконечности. Муж унес с собой часть ее сердца. Лидия все время представляла, как он к ней вернется, как попросит прощения, как она простит его и нежно обнимет, как он будет целовать ее губы, думала, как вернуть его обратно, как она будет мудрой, когда будет прощать его и как он оценит ее мудрость и будет благодарен ей.

Теперь появился новый повод подумать. А может, даже поплакать ночами. Или сходить погадать, а может, выпить новое лекарство. Главное в происходящем то, что ей совершенно безразлично, о чем я говорю ей и о чем она мне рассказывала. Тут главное именно то, *какая я сама*. Именно я сама — *её личная терапия*. Единственное, чего она понимает, — то, что это уже не только я.

Теперь ей уже просто плевать на мужа, на его новую женщину, на то, как он вернется и попросит прощения. Как будет ее целовать, что будет врать, зачем и о чем. Теперь она думает, как бы деликатно намекнуть мне на то, что её единственное желание сейчас заставить меня закрыть свой ужасный рот, с ужасными деснами, вероятно, с ужасным запахом из него, к которому я уже привыкла за эти месяцы. Может,

даже думает о том, чтобы не слишком меня обидеть. Она телепатрует мне: «Сеанс окончен! Окончен! Я все поняла! Отпустите меня. Жизнь сука прекрасна и я полностью довольна ею. Вы уродливы и я не могу больше смотреть на Вас».

Лидия ждет, когда я скажу: «Ваше дело выбирать, кем стать — сильной или слабой, подняться или упасть навсегда». Это было бы логичным завершением почти для каждого из людей. Но только не для меня. Поэтому я продолжаю.

— Не хотите ли чашку кофе? Я могу показать Вам свои фотографии. У меня их одна тысяча и три десятка миллионов, давайте изучим каждую, они все такие красивые, в прошлом я часто фотографировалась. Или посмотрим журналы и рекламу по телевизору, можем вместе посидеть в интернете, ходите что-нибудь испечем?

~

Вопределенный момент главное понять, что вся наша жизнь предполагает анализ, все наши мысли и переживания подвергают все вокруг циклу сравнения. Замкнутому кругу сравнения. Или несколькими кругами сравнения. Кому как больше нравится. Это у нас в крови. Это всем известный метод познания, который очень часто работает против нас самих, а иногда на нас.

хоть какое-то объяснение. И снова ничего не получается. Сколько сил и времени на это уходит.

Мне повезло. В моей жизни все предельно логично и нужно будет сильно постараться, чтобы что-то усложнить. В один момент я вдруг поняла, что наполнена опустошающим содержанием до самых краев. И это теперь от меня мало зависит, данный факт необходимо было просто принять, потрогать, ощутить. Простая история. Я бы сказала, совершенно обыкновенная. Проснулась однажды утром и почему-то сразу осознала, что мой организм явно решил избавиться от всех моих внутренностей. Исторгнуть их, как инородных. Была мысль свалить все на двенадцатилетний виски, потом на отравление. Вроде вчера была какая-то непонятная рыба, которая могла поспособствовать. Или не вчера? Или ее не было.

Но похмелье имеет свойство проходить, а отравление лечится лекарствами. А то, что происходило со мной, не лечилось, не проходило, а просто засело. К рвотным спазмам внутри тебя, конечно, можно привыкнуть, но лучше не стоит. Рассказываю это, чтобы всем стало понятно, почему я вообще пошла к этому доктору. Павлу Алексеевичу. Моему долбанному спасителю.

Сделав анализ крови, лимфы и всего остального, что только можно

отщипнуть, высосать, откачать, срезать и поковырять, он сказал, что отравление неизлечимо, потому что это не отравление, потому что это инородная жизнь. Ого! Так и сказал.

— Нет, — поправился Павел Алексеевич, молодой совсем, кандидат медицинских наук, голубые глаза, светлые волосы, умный и добрый взгляд, — это не то, что Вы подумали, это не беременность, — и улыбнулся. Ах, какой доброй и светлой улыбкой он улыбнулся! Красивые белые зубы.

— Мой милый хороший добрый доктор! Вы порадуете меня? — застучало в висках.

— Это паразиты, — продолжал он, записывая данные о новом пациенте в новой истории болезни новой блестящей ручкой, — они живут в Вас.

— Ах вот оно что, — а как еще я могла реагировать.

Я представила, как какие-то жуткие зубастые червеобразные штуки ползают внутри моего тела, открывают свои пасти и поглощают мою кровь, моё мясо, мои ткани, и оставляют за собой маленькие тоннели. Отрезают меня своими маленькими остренькими ножиками по тоненькой полоске, моё собственное красное мясо. Из него начинает выступать кровь. И тонны отходов после них, из-за которых я и отравилась. Токсины. Маленькие токсичные кусачие сволочи.

— Павел Алексеевич, вы же меня вылечите? Вы же такой милый, такая улыбка, я вас почти люблю.

— Максимум через полгода они вас доедят, совершенно. Изнутри, — так сказал доктор.

Ненавижу его. Он мог оставить мне хотя бы четвертинку того, что обычные люди считают надеждой.

От любви до ненависти один шаг.

В общем, теперь я живой труп и у меня есть общие черты с домиком для Барби. Единственные отличия, во мне нет розового диванчика, гаража, Кена и голубых мохноногих пони. Хотя, кто может с уверенностью это говорить, ведь что это за ползающие штуки, доктор и сам толком не знал, как их лечить не знал вообще никто. Я поблагодарила его, лучезарно улыбнулась и пошла домой. Длинными ногами отсчитывать свои полгода. Шаг за шагом. В такие моменты километры пути кажутся подарком. Это прямо противоположно запланированному количеству километров на тренажере, которые нужно пройти за час тренировки. Эти километры желанны, они как глоток свежего воздуха. Шаг за шагом. От любви до ненависти. Если измерять в метрах полученную информацию и оставшееся время, и того и другого оказывалось хоть и немного, но вполне прилично.

Кроме того, успокоившиеся сейчас паразиты, после какой-то пилуоли, вот-вот должны были дать о себе знать. Милый доктор, улыбаясь, рекомендовал мне не есть сладкого, чтоб их не особо радовать и не плодить. Мой любимый славный доктор. Эти рекомендации были даны, словно он отдавал мне конверт с ребенком. Ребенком-паразитом. Не давайте ему сладкого, это может быть вредным для его зубиков, которые выросли еще до того, как он успел родиться, они выросли в первую очередь.

Любят сладкое. Паразиты-сладкоежки.

— Но они не заразные, — Павел Алексеевич писал своим фирменным почерком, который потом невозможно будет разобрать даже после очень качественного виски. Где же вы все, врачи, научились так непонятно писать, наверное, вас этому учат в специальных школах, а потом вы сдаете по этому зачет, я засмотрелась на то, как ручка двигалась и оставляла за собой тоненькую полосочку чернил.

— Тогда откуда они?

— Никто не знает ответа на этот вопрос, простите, — он взглянул на меня и лучезарно улыбнулся, хотелось выбить ему его лучезарные зубы, а заодно его милые, светящиеся добротой глаза. Сразу оба. Они меня слепили. По его словам выходило, что эти малыши во мне самообразовались.

Итак. Больше это была не я. Теперь это уже они во мне руководили. Я стала воспринимать их всерьез, ощущать их во мне. Пока шла, пыталась договориться с ними. Но, судя по тому, как все резко заболело внутри, договариваться червячки отказались, а упорно настаивали на полном порционе, а еще лучше, если это будет трехразовое питание со шведским столом, ведь им сказали, что все это входит в стоимость путевок.

— Спасибо за то, что вошли в наше положение, — скажут они. — Позвольте нам брать ключи от крытого корта?

Конечно, мои дорогие, — отвечу я. И от бассейна тоже.

~

Так я стала сходить с ума.

Когда пришла домой, съела всё, что только нашла в холодильнике. И остатки шоколадного торта с моего дня рождения. Желание клиента — для нас закон. Паразиты-сладкоежки. Теперь это не я, теперь это мы. Теперь это они. Как говорил один мой, теперь наш, знакомый ресторатор (да что уж греха таить, так говорят все новомодные самообразовавшиеся рестораторы и владельцы чего только можно), у нас не клиенты, у нас гости.

После моего ужина червячки вроде стихли. Болеть перестало.

Я вдруг представила в уме происходящее со мной. Ситуация стала понятной, как мозаика стеклышек в калейдоскопе, такой же четкой, как складывающиеся в рисунки падающие доминошки. Теперь во мне была ферма маленьких животных, моя ферма. Тут главное вовремя задать корм скоту. А он обрадует тебя приплодом. Главное заботиться о моих новых жильцах, тогда они будут здоровенькими и довольными. Будут ходит важно и деловито, разговаривая на своем паразитском языке, заниматься своими паразитскими делами. А я буду ухаживать за ними нежно, трепетно и ласково. Может, тогда они изобретут внутри меня атомную бомбу или полетят в космос, будут бороться за права чернокожих детей и даже женщин. Наверное, у них есть школы и детские садики, каждый день паразит-папа отвозит паразита-мату на работу, а детишек в садики, потом сам едет по делам. Когда еды в семье не хватает, он выходит с другими паразитами на митинг у здания Правительства и требует еды. Правительство — это я. Теперь я вся похожа на компьютерную игру-стратегию «Фараон», только никто не пишет вверху экрана что-то вроде «Народ считает вас богом», потому что народ считает меня мясом. Полюби ближнего своего.

~

Через некоторое время они снова стали давать о себе знать! Ненасытные штукорины. Я стала пытаться с ними договариваться, как с собственными детьми:

— Вы слишком быстро размножаетесь, крошки, я вас не прокормлю, давайте чуть помедленнее, мы должны отслеживать демографическую ситуацию во мне, — они не слушались, злобно кусались, капризные микроскопические черви. Невидимые глазом бунтующие клопы. В какой-то момент я разозлилась и даже решила для себя, что теперь совсем не буду есть. Если смогу.

Я привыкну, это ведь так просто. Я уже так делала, но тогда в голову являются странные образы, они туманят и заставляют концентрироваться на себе, можно ещё не спать, тогда мир вокруг совершенно преобразится. Странная мысль. Это мысль? Она моя? Главное не сойти с ума до того, как они примутся за мой мозг.

Мысль превратилась в мелодию и медленно улетела, куда-то растворилась, как капля гуаши в прозрачной банке с водой. Когда с кисточки в воду падает разноцветная вода, она делает вот так: «Пульк», не кап и не бульк. Почему-то именно так. Потихоньку.

Возьми кисточку, гуашь, банку с водой и капни в банку немного разведенной гуаши, синей. Теперь ты представляешь себе, куда деваются мои мысли. Когда краски в

воде становится слишком много, её лучше поменять.

Так вот, в этот момент я решила, что не хочу больше есть, чтоб и им тоже было нечего есть. Чтоб они погибли хотя бы на короткий миг раньше меня. Одна сотая миллионной секунды. И я буду довольна собой.

От любви до ненависти один шаг.

~

Уже стемнело. Я сидела на балконе и смотрела на огни проезжающих мимо машин. Свет отражался от мокрого асфальта, вся улица раздвоилась. Только что прошел ливень, а теперь просто капает дождик. И все залито светом: фары, фонари, окна многоэтажек, похоже на какой-то незнакомый никому мир, как будто озеро разлилось на дороге. Вернулся Андрей, почему-то поздно, ну и ладно. Подошел, обнял меня сзади и поцеловал в шею. Мы с ним вместе. Дружим, он даже думает иногда, что любит меня, ближнего своего. Наверное, мы скоро поженимся, вернее, мы даже назначили день свадьбы. Но это уже не я. Теперь он будет любить и паразитов-сладкоежек тоже. Теперь милый нас не двое. Теперь во мне новая жизнь, ты рад?

Теперь нас двое и три сотни миллионов, увеличивающихся в геометрической прогрессии. Вот так примерно я думала,

глядя на него. Поцелуй нас в носик, милый.

Откуда у меня взялся Андрей? В принципе все было, как у всех. Только мой личный самообман, встроенный в меня иноземной цивилизацией, мне сказал: «Нет! Такого нет больше ни у кого, у тебя самой такое впервые». Было странно, похоже на ту же гуашь, на которую можно смотреть с полминуты, пока она растворяется. Так же я смотрела и на то, как появлялся Андрей. Вернее, как он становился для меня важным.

В тот первый вечер, было очень жарко, жарко настолько, что люди прятались по своим домам и квартирам, в прохладе, а мы назло всем бродили по городу уже несколько часов подряд с момента нашего знакомства. Или нет, может, мы бродили целую жизнь? Было так жарко, что лед таял у меня на коже, дрожали губы, а он целовал мои плечи. Все в кучу. Все время спадала бретелька платья. Хотелось вечность, не хватало воздуха, время несло, а я просила только об одном, чтоб это никогда не закончилось. Я помню, что его улыбка, первый взгляд, он все мне сказал, сказал, что мы вместе навсегда. В общем, все как у всех только со льдом. Все в кучу.

Потом вдруг: хватит! Тот вечер закончился, мы разъехались по домам, и я немного осеклась, пыталась остановить скатывающийся прямо на

меня снежный ком. В общем, все как у всех.

Боялась. Это похоже на то, как что-то непонятное стучит в окно. Еще совсем робко, как будто его и нет совсем, сначала так всегда. Ты в таких ситуациях тоже боишься, я уверена.

Правильно боишься, сколько таких было их. Столько стучались, а где они все.

Понимаешь потом, что зря открыла, услышав странный стук? Нет, даже не так. Сразу не понимаешь. Есть только осознание того, что он уже внутри, новый вирус, прям с утра, уже жужжит у уха, как назойливый комар, и теперь будет с тобой, пока сам не решит выползти, прорывая живую ткань твоего почти мертвого изможденного тела, но это потом. А сейчас, давай открывай окно, сколько можно ему стучать, да будем нам счастье. Боишься, что устанет стучать и уйдет совсем, если непустишь. Так именно и было! На самом деле, я только сейчас понимаю это. Главное тут то, что все это тебе нравится, и ему нравится. Более того, он чувствует тоже самое. И мне нравилось, это похоже на полет, хочется, чтоб полет длился вечность. Только вечность никто никому не предлагает. Её и так слишком мало, чтобы раскидываться.

Потом вдруг видишь, что он не уходит, хочешь егопустить, позволить подойти ближе, притронуться к тебе, завладеть

мыслями твоими, потому что сама решила попасть внутрь него. А сначала у нас был тот жаркий летний вечер. И таял лед. Холодный, твердый, скользкий, но такой освежающий.

Где я увидела его? На улице? А он меня? Я уверена, что я первая его увидела, решила подойти, решила спросить имя, решила, что он будет моим? Я в этом точно уверена?

А он в чем уверен?

В следующий раз лучше будет завести себе пса.

Я думала иногда: «Зачем тебе это?» Тебе уже нравится, как твой пульс стучит в тебе по-новому. Ты спишь с ним рядом и понимаешь, что пытаешься дышать с ним хором, чтобы не разбудить его. Он придавил тебя рукой во сне, а ты решила, что крепко обнял.

Экспансия.

Со мной все, как у всех.

Он внутри. И так легко его понять. И так легко к нему прикоснуться. И он такой теплый рядом. И его очень больно потерять. С кем хором тогда я буду дышать? Не с кем. Придется перестать дышать.

А ведь так робко сначала стучался. Мы оба знали, что предстоит вторжение, оба его боялись, а что теперь? Как мы оба будем друг без друга? Что будем делать, как будем дышать, пить. Виски, ром, водку. Это паника на оккупированных территориях. Отступить некуда.

В Андрее мне нравится все: его глаза, волосы, руки. Мне нравится все. Это значит, что я люблю его с его недостатками. Даже то, как он когда-нибудь будет чесать когда-нибудь живот под майкой, вызовет во мне улыбку. Пока он так не делал, но я же знаю. И постоянно курит, много курит. Мне это безразлично, но он сам меня убедил, что на самом деле мне противно, как он курит. Ладно, противно, так противно. — Лучше бы я завела себе пса, не кури тут!

Одни и те же книги, одна и та же музыка, те же картины, те же страны и города — пронеслись внасовременное, мы были на разных концах света до знакомства, а внутри нас все такое одинаковое и одновременно такое разное.

Я думаю, он шутит, когда говорит о других девушках, девочках, женщинах, дамочках. Потом он скажет мне: «Я же предупреждал», а я отвечу: «Да». Но это будет потом. Я не смогу его прогнать, он внутри, его не вылечить антибиотиками, его не вытащить ничем, пока он сам с силой не выдернет себя из меня. Если вообще выдернет. Только не это! Останься, ты мой. Я твоя. В каждом из нас хоть раз в жизни живут такие паразиты. И мы считаем, что это великое счастье.

В моей голове теперь все мысли звучат примерно в таком духе, они пытаются скрыться от паразитов, потому

перемешаны безнадежно.

Экспансия.

И что теперь?

А что думает об этом он? А он вообще о чем-то думает? Что проносится в его глазах, когда он смотрит на меня, когда он проводит рукой по моим волосам, по плечу, по руке, по щеке, по мне, что проносится в его голове, на что это похоже. Что он думал, когда уходил, когда я уходила, когда мы уходили друг от друга после очередного свидания. Неизвестно и неважно.

А потом мы поняли, что жизнь друг без друга нереальна, её просто нет, и стали жить вместе.

Мы друг в друге. Я видела двойственный страх в его глазах. Он боится потерять меня, но и потерять во мне себя тоже боится, чтоб я не забрала его, он сам заберет меня. Потом будет думать, а зачем он это сделал. Но сама суть останется сутью. В итоге он уйдет.

А пока что мы обменялись друг другом. Ром, водка. Виски стучат синхронно. Бьются в стакане, льдом о стенки, одинаково. Мы дышим разом и думаем, что это верно, единственно верно. Думаем, что такое последний раз, что раньше такого не было. Я забыла все, что было раньше, благодарна всем, кто был раньше, за то, что они ушли. А потом я, вероятно, буду благодарить его за то же самое. Мы одно, как паразиты слились со мной внутри меня.

Вдруг...

А потом буду думать, снова копать себя, снова бродить сама с собой, пытаюсь разобраться, зачем открыла окно, что ожидала впустить, насколько и как глубоко и почему все получилось не так. Или так не у всех?

Что теперь. Нас двое: я, он, мои мысли, его мысли, мои привычки, его привычки, его голос, мой голос, наш голос. Теперь не я и он, теперь мы. И еще куча ползающих штучек во мне. Их мысли тоже. Это целая семья.

Мне самой не страшно? Что же я наделала, смысл было открывать окно новому и непознанному, столько сил и времени теперь проходят сквозь пальцы, протекают, разговоры, ссоры, прогулки, зачем. Постепенно вытеснила из себя своих друзей, но посмотри, вытеснил ли он. Это сделка, обменялись друг другом. Только зачем. Чего не хватало. Что появилось? Смысл жизни. Новый смысл жизни.

Тот ли он, а вдруг новый смысл помешает думать, разбудит, заставит проснуться. *Капля гуаши, все растворяется в воде. Когда краски в воде становится слишком много, её лучше поменять.*

~

Все это пронеслось мимо меня или я произнесла это вслух?

~

Хотелось рассказать Андрею о том, что сегодня говорил мне Павел Алексеевич. Этот улыбающийся доктор, хотелось рассказать, как мне больно, что во мне происходит, как теперь я стану меняться. Все рассказать, чтоб он меня понял, обнял, пожалел. Погладил по голове и сказал: «Милая, оставшееся время мы проведем вместе, я смягчу твою боль, как смогу». Наверное, даже хотелось поплакать. Но это было нереально, что толку говорить о чем-то, если это не изменит того, что со мной. Что с нами. Я смалодушничала. Ах, как это похоже на меня, на тебя, на всех нас. Ты ведь тоже малодушничает? Признайся. Потом позже я смогу ему все рассказать, мы даже что-нибудь вместе придумаем, вероятно. Например, в каком порядке уложить его вещи в чемодан, когда он решит от меня уйти. Но это потом, а пока, поцелуй меня, милый. Вот так это было.

~

А сейчас Лидия, у которой не было больше мужа, уже уходила. Она стояла в дверях, пытаюсь пояснить Андрею, что ей уже намного лучше, что вряд ли она сюда вернется, потому что зрелище ей предстало неожиданное и страшное. Он молчал и понимающе

кивал. Мой любимый, равнодушный, славный, добрый. Я знаю, что ты сейчас ей скажешь.

— Вам пора уходить, — я читала его мысли. И пусть она даст тебе свой номер телефона на маленьком квадратике бумаги. Или на прямоугольнике? Или ты уже знаешь её номер. Конечно, знаешь, ведь это ты её привел. Андрей находит людей для моей *терапии*. Вы поговорите в более приятной обстановке, а у нас уже следующий «пациент» на очереди.

~

Пришла девочка. Кирочка. Вот такое имя. Вообще, ей следовало бы плакать, потому что сюда многие приходят поплакать, — она улыбнулась; хотелось её испугать, я протянула ей руку — она пожалала её. Вот сучка. Одно слово.

— Чаю? — отказалась. Брезгливая. Точно сучка.

Говорит, что ей плохо, потому что человек, которого она любит, вел себя нелогично. Неделю или две назад. (Три, четыре, пять — я иду искать) Говорил, что любит её, но у него есть другая. Говорил, что Кирочка — это его идеал, но есть другая девушка, которая ему очень нравится. Бросать он ту, другую, не собирается. Кирочка решила уйти сама, хоть и любила его, хоть и любит его до сих пор. Гордая. Сильная. Глупая?

— В итоге мы оба друг друга любим, но расстались из-за другой девушки, — весело заключила она. В глазах заиграли миллионы искорок.

— В общем-то, да, логики мало, — соглашусь с ней. «Идиоты какие-то, нашли проблему», — мелькнуло у меня в голове.

Кирочка курит и спокойно рассказывает. Ужасные, потрясающие, умные, глубокие глаза. Сучка. Говорит, что внутри пустота.

— Нет, милая, у тебя внутри не пустота, у тебя внутри сейчас дым отравляющих смол. Он тебя разъедает и наполняет, оседает в тебе. Как минимум. Лучше уж тебе бросить курить. Никогда не понимала людей, которые занимаются подобным медленным самоубийством. В мире так много возможностей умереть, к чему все усугублять.

Мне стало её жаль. У меня все предельно просто и логично, внутри уж точно не пустота и не дым. Единственное, что не совсем хорошо, у меня нет диагноза. До сих пор. При вскрытии, может, поставят. С другой стороны, у неё ведь тоже нет диагноза? Или может, рассказать ей, что такое любовь? Рассказать, как фенилэтиленамин выработался её маленьким мозгом, когда она увидела своего будущего любимого? Как потом все это накрылось адреналином, как она была в состоянии эйфории от

амфитамина? Все точно так же просто, как у всех. Наши тела не отличаются особым разнообразием химических реакций, честно говоря, природа не отличается воображением. Она делала все предельно логичным и понятным. От этого становится скучно.

Это пронеслось мимо меня или я произнесла вслух?

Понимание того, что я перестаю отвечать за свои мысли, меня развеселило. Я смеюсь, она, кажется, начинает плакать. Нет, это дым попал в глаз. Плачет одним глазом. Сучка. Ей плохо, плохо, плохо. Плачь уже по-настоящему. Я перестаю слышать, что именно она говорит, а это значит, что сеанс окончен. Пора принимать лекарство.

— Да, детка, в мире много необычного, надеюсь, тебе уже легче? Следующий.

Не уходит. Настырная, не нравится она мне. Сидит, смотрит на меня, вроде как пытается меня понять. Совет: «Проглоти коробку иголок, тогда ты сможешь меня понять, только это все равно не то. Загони себе радиоактивный раствор в вену, тогда ты поймешь, что я на самом деле чувствую, когда кожа будет сдираться с тебя слоями, ты поймешь меня». Хотя, откуда мне знать. Может, и не поймет.

У меня закончились слова, которые я должна говорить.

— Ваша боль слишком ерундовая, мне скучно. Приходи завтра, расскажи мне что-нибудь пострашнее этого, например, как ты шла и видела горящий дом, а в нем плавящиеся и жарящиеся тела. Или что-то в этом духе. Сравни настоящую беду с твоей личной, это домашнее задание. Приходите завтра, за отдельную плату.

Говорит, придет.

— До свидания. Приготовьте мне горящий дом, я бы хотела на это посмотреть.

~

После того, как врач зачитал результат анализа моей крови, мало, что изменилось. (Моей крови?) Если только сладкоежек стало больше. Ещё Андрей стал удивляться, зачем я села вдруг на диету, стала быстро худеть. Вроде как, зачем тебе это все, милая? Новая мода. И до России докатился героиновый шик-блеск-красота-та-та-та. Забудьте о том, что такое попа и бедра. Забудьте все, что вы видели до сих пор.

— Ну а что, милый, надо же чем-то жертвовать ради новой красоты, — это я так пытаюсь шутить. Потом говорю ему правду, что я физически ощущаю, как во мне движутся стройные ряды клопов, как они строят колнии-поселения, роют во мне траншеи (может, у них идет война за то, кто будет населять желудок

или за передел моего завтрака?), пишут свои законы, расстреливают своих преступников. Как все болит, как я не сплю ночами, как я хожу по дому, пока он спит. Добудь мне опиум. Морфий. Яд. Разорви меня на части, вытащи каждого из них индивидуально собственными пальцами, раздави, тогда я снова буду такой, как прежде. Мне осталось максимум полгода и даже меньше.

— Прости, милый. От любви до ненависти? Ведь это уже не я.

Он в шоке. С моего цинизма.

— Нет, — говорит, — я с тобой, это все равно ты, эти полгода наши. Я рядом.

Еще миллионы банальных фраз. И эта теплая улыбка. Как мило, мы дружим. Светлая, добрая, ласковая, яркая, родная, любимая улыбка. Дари мне её, дари мне её, дари мне её. Она моя. Поцелуй меня, милый. Я согласна с ним во всем, как всегда. Это оказался простой разговор, проще простого.

Где вас всех научили только так улыбаться? Наверное, ты просто еще не понимаешь под чем подписываешься.

— Налей мне водки со льдом, иначе мне невыносимо, — паразиты-алкоголики. У них, зеленых, рождаются красные детки-мутанты. Из-за того, что я пью. Я пью, а они страдают, мы же с ними неотделимое целое.

Я продолжаю:

— Я пойму, если ты вдруг меня бросишь, тебе же надо двигаться? И мне надо.

Твой богатый, глубокий, упругий внутренний мир вдруг стал невероятно расшатанным. Тебе необходима порция яда, сваренного из какого-нибудь сложного для восприятия фильма, в котором жестоко переплетено все на свете. Отрави себя ядовитой картиной, отрави себя общением с тем, кому ты не нужен. Отрави. Отрави. Отрави. Отрави и покалечь себя новой книгой, старой книгой, доброй сказкой со злым концом.

Тогда ощущения от выпитого останутся и до завтра. Останется похмелье, а если нет, можно будет снова отравить себя.

~

Дальше.

Вот сидит парень, мужчина. Тупо тряпка.

— Никита Анатольевич?

— Да.

От него ушла девочка, девушка, его женщина. К другу его друга, к его другу, к его бывшему другу, к его бывшему лучшему другу или к его бывшему другу его бывшего лучшего друга. Кажется, так он говорил. Да, примерно так он и говорил.

В общем, непоследовательная тряпка. Словно бы это все должно было меня тронуть до глубины души, поразить и удивить! Сделайте акцент на слове «лучший», а потом на слове «друг»,

а потом на слове «ушла». Мне стало невыносимо скучно даже смотреть на него. Это даже паразитов-сладкоежек не тронет и они не расплачутся своим громким разноголосьем на главной площади моего измученного тела. Не потому что они жестокие, просто им тоже стало скучно, еще немного и они разбредутся заниматься своими делами. Еще немного и они начнут требовать вернуть им деньги за купленные билеты.

~

Путник, узнай лучше для меня погоду на самом юге Италии, узнай для меня, сколько стоит тот дом с огромной стеклянной стеной в Видомна Норвежское море в спальне, узнай, передай приветы деревьям и птицам. Звони, не забывая. Еще немного – и мне будет, что тебе поведать, близнему своему, с любовью. From me to you.

~

Дальше. Никита Анатольевич говорит, что психотерапевт ему не смог помочь. Я ему верю. Мне жаль психотерапевта, потому что он не знает моих приемов. А я знаю, что в такое болото надо шархнуть током, убить шоком. Предлагаю ему свежий мокко с сиропом шоко. Перебила его. Взрослый мужчина,

в натертых до блеска воском туфлях, дорогих часах и изысканных запонках, которые так идеально подходят к булавке для идеального галстука, который подобран специально под эту рубашку, которая идеально сочетается с этим костюмом и натертыми до блеска туфлями из нежнейшей кожи. Как они меня раздражают, ваши туфли, вы бы только себе представили. Галстук в тон костюму, ко мне приходят только успешные внешне люди. Ведь все это цирковое представление, которое я показываю, стоит немалых денег, потому что он в своем роде эксклюзивный.

— Любите ли Вы барокко? Налить Вам коки? А я себе сока.

В точку. Он замолчал, за-мол-чал. Удивленно смотрит на меня. Не понимает, хочет ли он придумать рифму или попросить чего-нибудь покрепче предложенного. Я не говорю больше рифмами. Я говорю с небольшими паузами:

— Я могу вылечить любую душу, не спрашивая вашего желания, заставить все забыть.

— Трепещите! Ибо я посланник смерти! Демо-версия трупа. Это уже не я, — он моргает, но молчит, а я уже откровенно смеюсь над ним и над собой.

— Выключите свет и засуньте мне в голову свечу, все равно её скоро опустошат, как тыкву. Из-нут-ри.

— Да и что там думать, уважаемый,

все мы шагаем по неизвестному пути, к известной нам всем цели. Мне же повезло хотя бы в том, что я могу измерить свой путь шагами, - в подтверждение своих слов я поднимаю над столом ногу, обутую в высоченные шпильки ярко-малинового цвета, — а вас ждет сюрприз. Хотя один в жизни! В конце Вашей замученной, скучной, успешной внешне жизни, Дедушка Мороз придет к вам. С косой. И бесплатно покажет кино. Вы хорошо вели себя, переходили дорогу на зеленый, слушались родителей и платили налоги? Так чего печалиться? — дальше следует улыбка. Как у того доброго врача Павла Алексеевича, который пришел ко мне с косой. Look at us but do not touch. Это своеобразная насмешка над it girls. Я очень своеобразная насмешка, я выражение чувства юмора всех голодных и обездоленных, только в туфлях Кристиан Лубутен. На мне изумительное кольцо, его мне подарил Андрей, это помогает ему не сосредотачиваться на моей жуткой внешности.

Эта фраза: «Так чего же печалиться?» — а потом — Улыбка! Это мой личный опыт. Понимаете, если на тебя посмотрит длинноногий голубоглазый скелет-блондинка с кислотно-розовым лаком на ногтях и такой же помадой на губах и скажет: «Встань и иди!» — сдается мне, вы вряд ли ей внемлете.

А вот если скажет: «Так чего же печалиться?» — это совсем другое. Это заводит в тупик, Никита Анатольевич посмотрит и назовет минимум один повод для печали. И этот повод сидит перед ним, явно более печальный, чем все его самые печальные печали вместе взятые. Только мужчина и сам понимает, что я тут ни при чем. Я только намекнула ему тихо и нежно, шепотом на ушко, наклонившись к нему близко-близко и касаясь губами его уха, так, что он даже бы смог возбудиться, не будь я таким чудовищем, это почти секс: «Не ной, тупой псих! Ты тут не один в этом мире! Сука, ты достал всех вокруг своей херней» .

Это не я, это мы все ему помогаем.

Он смотрит на меня, глупо улыбается, шевелит губами, исторгает свои тупые словечки:

— Да! Вы правы! Спасибо Вам! — Потом даже сам себе усмехнулся, мол, какой я идиот!

Италия! Теперь он решит, что пора уходит, черта с два.

— Пейте лучше Ваш мокко, уважаемый. А я буду приближаться к своим мечтам и желаниям.

~

Дальше.

Я смотрю на мужчину в упор, наверное, было бы правильно растолковать ему

ситуацию, пояснить, где именно он сделал свою главную ошибку, хотя говорить тут и должен он:

— Иногда ожидания человека превышают даже возможную реальность. Вам вдруг начинает с первого взгляда, звука, слова, улыбки казаться, что это все. Последняя остановка, вы навсегда вместе. Никто никого не предаст. Вы будете нежно лежать вместе на раскладном диване из белой лайковой кожи полжизни, сожалея о том, что остальную сирую и нелепую вы прожили и раздельно.

— И вот вы уже думаете: «О, все святые! Я благодарю вас. Мы познакомились и не отпустим друг друга никогда, не отдадим никому!» Вы начинаете видеть, как она ходит у Вас по дому в чем-то невероятно прозрачном, как она спит рядом, как она ест рядом, как Вам хочется к ней прикоснуться, закупить ей побольше всего прозрачно-блестящего и чтоб она его не снимала никогда. Каблуки повыше, накидочки покороче. Всюду разбросаны какие-то блестяшки, перышки, кисточки, штучки и сумочки, стопками стоят коробки с туфельками с бантами, потрясающие атласные банты, эти коробки получше, чем жизнь многих миллионов людей в мир. Рядом стопки коробок, но уже с туфельками с открытыми носиками! Ах! Это прелестно. Эти лаковые, а эти из атласа, а вот эти просто потрясающие!

Носить нужно только вот с этим прозрачно-блестящим! Праздник, салюты и торты!

— Как она смотрела на меня, как целовала, как приносила мне шипящий стакан аспирина, когда я заболел, - он понимает, о чем я говорю. Всё всегда невероятно одинаково.

— Как она приносила Вам не шипящий стакан профильтрованной воды, когда утром наступало похмелье. Ах! Она такая заботливая, а ее попка такая упругая. Это опасность Любви-С-Первого-Взгляда. Совторого и третьего. Пятого и шестого. И всех дальнейших. Любовь — это не те сказки, которые бы нам хотелось прочесть. Любовь – это просмотренное сто раз кино, ужасный конец которого известен, а зритель сидит и до последнего ждет, нет, нет! Наверняка все изменилось! Охотник не застрелит этого чудного слона из этой охрененно огромной винтовки с охрененной отдачей в плечо. Не бойся, охотник получил своё — вероятно, огромный синяк. Слон истекает кровью. Этот мальчик не откроет большую дверь и его не убьет страшный маньяк! Мальчик истекает кровью. Любовь в луже крови.

— Это не тот happy end, который было бы реально получить. Поэтому, никогда не обольщайтесь, что судьба в Ваших руках. Вообще, это все совсем не то, что хотел бы иметь нормальный человек.

А кто спорит? Не все в этом мире так гладко, как мы привыкли этого хотеть.

— Даже когда путей для отхода нет, когда Вы начинаете любоваться миром, когда смотрите со стороны и кажется, что Вы с ней идеальны вместе, что вы единое целое, что так и должно быть, все пройдет. Не переживайте, ведь Земля тоже когда-нибудь или разлетится на миллионы частей, или остынет совсем. Лучше уж пускай разлетается. Так хотя бы будет, из чего слепить новые маленькие земли. Но этим займемся уже не мы.

— Смотрите сами, потихоньку наблюдайте, как потоки разума строят в Ваших собственных мускулах себе ходы, сквозь боль вымывают себе тонкие тоннели в плоти. И в этих тоннелях теперь будет жить еще один человек, чем дальше, тем больше. Полюби ближнего своего. Теперь другой человек в тебе. Его не вырвать просто так. Он врос мочковатым корнем в самое сердце.

— Уважаемый, Вы бы мне сказали, к чему было все начинать, если и так все было заранее известно. Чтобы теперь вот так жалеть.

— Кать, давай на ты? — мы с ним уже, как друзья. Мне хочется взять у Андрея лист бумаги и карандаш, чтобы все нарисовать.

— Смотри сам, теперь ты проснулся и вдруг понял. Это твои мысли. Ты сам проник в себя и извлек, что хочется

кому-то отдать свое сердце, вырвать его из груди, преподнести, бросить к ногам, подарить, подбросить под дверь. Только бы оно не билось так громко. И целого мира мало. Невыносимая легкость бытия. А от Бога нет вестей.

— Точно! Это как постоянное опьянение, от которого не избавишься ничем, как пелена, поволока, она слепит и затмевает, а сердце продолжает колотиться, ты думаешь, что скоро оно не сможет выдерживать ритм, а оно выдерживает и ждет, когда же ты проклянешь его. Потому что оно бьется так громко, что ночами мешает спать, и так громко, что все вокруг это слышат.

— Сердце переполняет тебя, предательски громко бьется. Колотится. Грохочет.

— Ты становишься нарочито интеллектуальным, настолько интеллектуальным, что осознаешь себя знающим все, все понимающим, кроме одного: почему все было так хорошо и вдруг все резко закончилось, так и не успев толком начаться. Хочется цитировать, читать, кричать, декларировать. Задумываться. Тихо забиться в угол. Но там слышно его, как оно грохочет, как оно предательски зовет к тебе, и все слышат его. И ты слышишь. Сердце. И не можешь ночью сомкнуть глаз, потому что кругом грохот, пытаешься уснуть. Потом не можешь проснуться, потому что боишься его разбудить. Оно

проснется и снова начнет колотиться, — да он и сам все знает. Дело в том, что ко мне не приходят люди, у которых все в порядке, а придя ко мне, они выворачивают себя наизнанку.

— Ты ведь сам из себя извлек, что хотел, чтоб в тебе поселилось что-то новое, нечто, что тебе не даст покоя, что-то, что заставит двигаться по-новому, рассматривать мир совершенно другим. Не жалуйся теперь. Ты стоишь, а все движется потоком, омывая тебя, пропуская тебя через себя. Ты внутри потока. Но он не несет тебя. И ты начинаешь этого бояться, резкие движения, причиняющие боль, тебе и той, которая поселилась в тебе. Ты боишься придавить её ночью, потому постоянно просыпаешься, а утром потом поднимаешься с постели с головной болью и стучащим сердцем. Она просит обнимать её во сне, вздрагивает, будит. А ты вообще не можешь спать и обнимать одновременно, потому что рука у тебя затекает. Её постоянные страхи. Еще это сердце грохочет. В итоге что? Резкие слова, резкие крики, резкие взгляды, это все не то, что ты хотел показать. Ты боишься извлечь из себя смысл, вытянуть за нитку, каждое слово, которое было бы правильным, уместным, оно вшито в тебя золотой нитью, оно тянет за собой внутренности. Чем дальше ты от нее, тем больше натягивается струночка, ниточка. Намотай её на пальчик, какая

буковка получилась? Ты боишься себя потерять, сказав нужные слова. Потому ранишь, колешь, бьешь по больному. А потом страдаешь. Не знаешь, как все исправить и возможно ли это или нет. В общем, полюби ближнего своего.

Если ты красив — людям приятно бывать с тобой.

Если ты умён — людям приятно находиться с тобой.

Сейчас я — ни то, ни то. И людям неприятно находиться со мной, но они ищут повод, чтобы попасть ко мне на кухню.

Когда я встречала людей, они говорили, что я им нравлюсь. Они считали, что у меня есть чувство юмора и интеллект. Теперь им всем важно во мне не это. Да взорвется их благословенный мозг. Когда мои руки были похожи на руки, а грудь заманчиво вздымалась при трепетном игривом дыхании, они считали меня умной и интеллектуально развитой, а когда я поняла саму суть жизни — я больше неинтересна никому. Ведь миром правят сиськи и жопы.

Я отрекаюсь от своих прошлых ценностей. Я слышала, что такое бывает, когда ощущаешь, что живёшь последние годы, месяцы, возможно, дни.

~

Предложите мне помогать больным и

раненым, я тут же соглашусь. Потому что мне уже помочь нереально. Только они не смогут даже взглянуть на меня. Даже самые больные из больных и самые раненые из раненных.

Иногда я даже задумываюсь, что вот он - тот самый момент изменить мир вокруг меня. Эти мои последние дни, недели. А куда делась реакция? Её просто нет. Теперь, если бы мне даже сказали, что двадцатого апреля две тысячи лохматого года в 17:23 по московскому времени меня не станет совсем, я бы спокойно жила ровно до 17:22, а потом подумала бы: «О, блин. А я ведь что-то не успела!»

А если учесть, что у меня нет тех самых заветных 17:23, я вообще с трудом понимаю, что происходит и зачем. Вся ситуация выглядит шуткой, только мое отражение мне подсказывает, что моя жизнь меняется, именно оно мне напоминает о том, что происходит внутри меня. Внутренность отразилась на внешности и в этом их единство. То, что внутри меня напоминает мне посмотреть на свое отражение? Что является причиной, а что следствием. Законы логики отказали. Они уплыли далеко-далеко, в новые галактики, со сверхзвуковой скоростью. Мелодии, запахи законов логики. Прощайте.

~

Я понимаю, что свожу с ума Андрея, я разрываю его на две части, его нежную ранимую творческую душу. Муза из меня просто никакующая. Одновременное чувство вины передо мной, возможно, ароматы прошлой любви, того самого первого взгляда, когда он понял, что мы теперь вместе, когда я поняла, что видела его во снах глубоко в прошлом, скорее всего, ещё в позапрошлом веке до нашей эры я его уже пыталась найти. Мы бродили по горячему городу. Тогда он считал меня идеалом, все время повторял: «Ты точно настоящая?», готов был носить на руках, целовать, будить ночью, чтобы целовать, будить утром, чтобы вспоминать, как ночью целовал меня и снова целовать. Вес мир принадлежал нам, чтобы в один прекрасный момент рухнуть и уничтожить под своими обломками все вокруг.

А второе чувство — просто чувство тупого отвращения. Страх и мерзости. Слизистой липкости. Такое все мы испытывали, когда смотрели на гениальные творения Гигера, за которые он получил Оскара. Они вам всем хорошо знакомы. Вы все их видели. В фильме «Чужой». Я и сама себе напоминаю объект биомеханики, модель для фантазий извращенца, параноика, шизофреника, эпилептика. Человека с серьезными процессами в голове. Типа злокачественной опухоли.

А Андрей — эстет. Он красив, он художник, он умен, он любит красивые цвета, акварели и импрессионизм, вокруг него сотни первых красавиц. Он любит яркие фотографии, дорогие книги в красивых обложках, многие он оформлял сам лично. Он любит то, на что я не похожа совсем. Больше. Ему нужна муза, а не демо-версия трупа. Он стремится к идеалу. Я вижу это в его глазах. Он смотрит с жалостью, а я торможу его развитие. Не смотри так на меня, давай поживем воспоминаниями и мечтами. Осталось совсем немного.

~

Скажи мне, какая погода на юге Италии, сколько стоит тот дом на берегу моря, серого моря, дом со стеклянной стеной, мы о нем мечтали.

~

Видимо паразиты доели суставы, допили суставную жидкость или что еще там можно доест. Я не разбираюсь в этом, первый раз развожу паразитов. Сладкоежки. Просто такое ощущение, что из моего позвоночника регулярно берут на анализ все подряд иглой в 5 см длиной. А обезболивающее на мне сэкономили, потому что я забыла свой страховой полис. Спасибо скажите, что мы вас приняли вообще. Скорее всего,

я теперь похожа на скелет. Только в одежде и способный ходить.

Андрей — мой любимый эстет. Скажи мне, мой любимый друг, а разве скелет — это не одно из самых совершенных творений в мире? Любуйся мной, как раньше. Полюби ближнего своего.

А сколько стоит любовь к себе? На что её можно поменять? Где кроится та грань, что разделяет любовь к себе от эгоизма. И что помогает при любых обстоятельствах любить себя.

Любовь к себе намного выше, чем инстинкт самосохранения. Хотя, если смотреть трезво, скорей, это гипертрофированный инстинкт. Это целая совокупность инстинктов, которая формирует целую философию человека и его систему ценностей.

Я провожу чёткую линию.

Тайна. Иногда через тайну открывается человеческая духовность. Через способность раскрыть тайну и через способность её создать. Эпатаж. Без скандалов, ненависти и ссор. Воздушная, яркая, любая. Тайна.

Где та грань, что позволяет собственный образ отделить от всего остального мира? Кто способен чисто и красиво возвыситься и сделать себя популярным с помощью одной только тайны. Тайны собственного образа. Тумана.

Я провожу ещё одну линию.

Красота. Чего стоит человеку его красота? Сколько должно быть морали,

чтобы красота осталась чистой? Чтобы прибавился лоск. Какими должны быть манеры? Сколько сил будет вложено в воспитание?

Красоту легко уничтожить. Легко исказить её смысл. Смысл должен оставаться нетронутым. Красота в чистом виде притягивала всех.

Ещё линия.

Что именно способен дать человеку его ум? Как именно может он помочь? Что именно может называться умом?

Последовательность. Непредсказуемая последовательность. Чёткий путь, повороты которого заранее были известны только мне до мелочей. Только мне. И больше никому совершенно. Поведенческий путь.

Я соединяю линии.

Мой портрет в каменном городе известен и окончен. Мой образ представлен. Поведение известно.

Если бы я была Миучией Прадой, я бы могла не быть дизайнером по образованию, но имела бы творческую интуицию. К моему мнению бы прислушивались. Если бы я была Джозом Гальяно, я бы говорила самым красивым моделям и актрисам всего мира: «Одень то, что ты бы никогда не посмела совместить», — а они бы слушали меня, затаив дыхание. Блистательные красотишки с убийственным содержанием.

А так я крашу ногти в цвет своего

бумажника. От Ферре. Одеваю все черное. Бумажник у меня ярко-малиновый. Повезло, что не синий. Он пах клубникой, потому мои деньги тоже пахнут. Когда запах клубники улетучивается, я брызгаю его Miracle от Lancome. Клубничные деньги, малиновая утопия. Место, которого нет.

Андрей хочет знать много всего обо мне, я очень изменилась:

— Почему ты все время в черном?

— Черное стройнит.

— Зачем ты носишь черную повязку на лбу?

— У меня траур. У меня сегодня умер очередной друг. Маленькая часть меня, а может, не одна. Я его сама убила. Сегодня в очередной раз какой-то маленький несмышленный червячок-паразит шел на поиски каких-нибудь пригодных ему в пищу веществ и наткнулся на молекулу циклоферона или чего-то подобного. Крошечка-несмышленьш, паразитик-сладкоежка. Я буду скучать по твоему маленькому бунту. Ты был таким хорошим, ты столько для меня сделал! А сколько еще не сделал. Если бы я покупала каждому умершему паразитику веночек, я бы разорилась. Зря я надеюсь вылечиться иммуномодуляторами.

~

В этом сезоне в моде готика, но не мрачная. В этом сезоне дизайнеры шутят над готикой и над смертью. А кому-то не до шуток. Хотя в чем-то они правы, это ли не повод? В мире только две загадки: не помнишь, как родился, не знаешь, как умрешь. У меня хотя бы на последние 50% все прозрачнее. А не сплошной туман. Я все посчитала шагами. У меня скидка! Торопитесь! Первому дозвонившемуся.

А как кто родился? Давайте в следующем сезоне пошутим по этому поводу, но без меня. Если угодно.

Открой «Мажор-пресс», он отправит тебя в мажор-шоп-тур, заставит купить мажор-вещь в мажор-маркете. Ведь только в этом мажор-маркете самые модные мажор-навороты всего за полцены! Скидка 50%! Определенность со скидкой. Все, как у меня. Ловлю себя на мысли, что мне неинтересны Ваши скидки, я бы хотела от них отказаться.

~

Расскажите мне о погоде на юге Италии. Расскажите о полетнице, расскажите, что она ощущает, когда отрывает свои крошечные лапки от земли и видит перед собой только голубое небо.

~

Дальше.

Сегодня странный день. Андрей приехал сам не свой, намного раньше, почему-то суетится, отводит глаза, перебирает какие-то свои бумаги, зачем они ему нужны. Откуда только у него вообще могут быть бумаги. Я делаю вид, что не замечаю этого, сам расскажет. Может, его повысили, может, он кого-то повысил. Может, мы все немного повышены.

— Милая, — зовет меня. Сердце стало биться сильно.

— Послушай, девочка, милая. Вот смотри, я сейчас расскажу тебе что-то важное. Ты возьмешь ручку и начнешь писать ею, а что если она почти не пишет? Или пишет очень светлым цветом, что тебе почти не видно, что ты написала? Ты сначала, наверное, попробуешь её погреть или расписать. Но ведь если она не поддастся тебе, ты вряд ли будешь долго переживать — просто купишь новую. Ведь так? Солнышко?

— А если вдруг возьмешь ручку, которая начала писать именно так, как тебе нужно: идеальный цвет, идеально тонко, не нужно сильно нажимать, ты пишешь и ты довольна. Но через время она вдруг начнет жутко мазать. Бумага, руки — все в чернилах. Вероятно, сначала ты будешь её вытирать. Но надолго ли тебя хватит? Скорее всего, ты сменишь и эту ручку. На новую. Я прав?

— Новая тоже идеальна. Но, бывает, и

идеальные ручки заканчиваются, — он бессильно замолчал, было слышно, как его голос оборвался, нежный взгляд бессильно опустился. Взгляд ласковых любимых глаз.

Мне не нужно объяснять все, используя такие тупые метафоры. От того, что я больна, я не стала дебилкой, червячки еще не едят мне мозг. Но я промолчала, прекрасно понимаю, о чем речь. Даже паразитам понятно, о чем идет речь. Теперь им грустно, их стройные ряды замерли.

— Не говори мне этого, расскажи лучше о погоде на Юге Италии. Не говори мне ничего, обними меня, как раньше, поцелуй меня, — протяну руку, а передо мной уже другой человек, он изменился для меня, как только произнес то, что произнес. И обратно дороги нет.

Андрей явно не в себе, хоть и тон его спокойный, взгляд голубых глаз ласковый, но губы сжаты. Я так привыкла наблюдать за реакцией людей на моей кухне на саму меня, что даже теперь я не могу прекратить этим заниматься. Я смотрю на все происходящее со стороны.

— Милый, хочешь чаю с конфетками?

— нет, он не хочет чаю, он не хочет конфеток, он хочет, чтоб я поняла, что я больше не его единственная.

— Милый, я это и так знаю. Ведь они еще не едят мне мозг. Я давно это поняла.

Как в кино, смотрю на все со стороны. Перед собой. Прямо. Долго. Стоя на одном месте. Не двигаясь. А передо мной рушатся стены моего дома, идеального, оседают, потом постепенно складываются, кирпичи разламываются, поднимается пыль. А я могу только молча стоять, потому что нельзя ничего сделать. Даже поплакать нельзя, это не поможет. Прямо на моих глазах все валится и крошится. Медленно и громко. Бух!

И никакой возможности. Все. Теперь у меня нет тепла, нет очага, нет стен, нет ничего. Некуда вернуться после трудного рабочего дня. Все только что завалилось. На моих глазах. Наш дом со стеклянной стеной в спальне с видом на наше море. Бух!

Как будто он для меня непознанный мир и еще нет ощущения, что мы познали друг друга, а возможности продолжать уже нет. Паразиты-сладкоежки рыдают хором. Мы расстались. У него новая любовь, что же теперь будет со мной.

~

— Андрей, подари мне розу цвета индиго, подари, словно ты видишь меня такой. Подари мне мой портрет из воды океана, словно ты видишь меня такой, подари мне свой взгляд из огня заката, подари мне полет над всей планетой, словно ты видишь меня такой. На

самом деле мне легко, тела практически нет, я отрекаюсь от него, просто набор органических и неорганических веществ. Я словно приближена к самой себе.

— Подари мне кристаллы ледяных глаз, голубых, холодных, нежных, твоих, как они смотрят на меня. Корни, деревянные палки, сучья рук твоих ласковых нежат. И мы могли бы принадлежать этому воздуху, как облака принадлежат небу, как волна принадлежит воде, как белый цветок принадлежит стеблю, как крыло — птице, как капля — дождю. Этот мир прекрасен и мы часть его. Я дарю тебе этот мир, потому что таким я вижу тебя. Милый. Поистине прекрасные ощущения, какой-то непонятный полет. Вроде как я падаю, вверх. Меня закружило в водовороте полумыслей-полуслов.

Это пронеслось мимо меня или я произнесла вслух? Конечно же нет, я не смогу никогда сказать ему этого вслух. Хотелось плакать и кричать, но я не хочу рвать его душу, терзать его сердце, давить на жалость. Ведь кроме нее уже ничего не оталось.

~

Порой мне не хватает чувства такта, я могу говорить все, что хочу. Но сейчас я поняла, что мысли просто пробежали мимо меня, я молчу, я кричу, но про себя.

К чему теперь мои слова. Андрей решил уйти, он больше не может так. Он уйдет в любом случае, а я останусь, больше мы не вместе. Все вполне доходчиво и четко. И логично. Та самая терапия, только теперь она испробована на мне. Прощай милый. Я даже не стану плакать, чтоб ты не пытался задержаться.

— Ты всегда знай, что я никогда не забуду тот первый вечер, когда было жарко настолько, что люди прятались по своим домам и квартирам, в прохладе. Когда лед таял на коже и капельки воды стекали по моей груди, когда губы дрожали, когда ты целовал мои плечи, а у меня все время спадала бретелька платья. Хотелось вечность, не хватало воздуха, время неслось, а я просила только об одном, чтоб это никогда не закончилось. Твоя улыбка, твой первый взгляд, он все мне сказал, сказал, что мы вместе навсегда. Только я подвела тебя. Подвела. Понимаю, что я хочу быть с тобой, — хотелось остановить его, но я не скажу ему ничего.

Прощай, милый. Это уже не я. Ты обо мне не услышишь. Давай подумаем, в каком порядке уложим твои вещи в чемодан.

~

Иногда девушка может быть виновата в том, что она «уже давно». А другая — «еще недавно». Порой, этого вполне

достаточно, чтобы сменить одну на другую. Это вовсе не означает, что одна из них хуже, а другая лучше. Просто модные журналы убедили нас, что мужчине не хватает чувства новизны, что мужчина — полигамное существо. Су-щест-во.

Люди, живущие вместе, медленно тормозят друг друга, а безответная любовь – двигатель многого, она раскрывает в человеке стремление, как боль. Беда людей, которые рано стремятся все попробовать в том, что они рано умирают. Ведь им больше ничего уже не остается. Если мужчина попробует несколько раз поменять девушку, то его чувство новизны притупляется. Тогда он либо должен умереть, либо навсегда станет скучающим. Потому что тогда он понимает, что как бы ни складывались его отношения, они все равно будут такими же, как и предыдущие.

Красота, еда, скорость, секс, высота — для тела все эти ощущения, по сути, одинаковы. Твое тело все равно будет вырабатывать одни и те же химические вещества, что и раньше. Химически мы испытываем одни и те же ощущения. Любой экстрим тебе в итоге надоест и главным экстримом станет его отсутствие. Только безответная любовь будет всегда. Потому что в ней всегда есть, к чему стремиться, — к мечте. Безответная любовь — это главная

опасность всех умных и уверенных в себе людей. Кажется, что им подвластно все, но, чем сильнее убеждаешься, что это ощущение обманчиво, тем глубже влипаешь в безответность.

Хотя, есть еще один вариант испытать что-то новое — сменить тело. Например, на кошачье или тараканье. Но способов, как это сделать, я не знаю.

Я честно пыталась жить без него, отвыкала, гуляла, ходила по магазинам, работала. Насколько хватало сил. Но не могла забыть. Андрей снился мне каждый день, весь мой организм умолял вернуть его.

Письма — не самый удачный способ сделать это, скажу я вам. Но разве можно убедить в этом человека, который полужив-полумёртв.

~

«Я сама не знаю, зачем я вдруг решила тебе написать, ведь я обещала молчать. Просто хочу, чтоб ты знал, что я чувствую, вдруг тебе интересно. Нет, скорее всего тебе просто безразлично. Но молчать я не могу. Сейчас у меня очень странные ощущения.

Это похоже на то, как будто доктор в коридоре реанимационного отделения смотрит в глаза и говорит:

— У нас есть 5% вероятности, что он выживет. 95% головы заполнены кровью.

Инсульт. Сосуды лопались от давления, заполняя все кровью. Сама суть человека утонула в крови.

Близкий человек, глубокая кома. А ты отвечаешь радостно:

— 5%! Это очень много, это хотя бы один шанс! Хотя он и стремится к нулю. У нас есть хотя бы этот шанс.

И через день этот человек умирает, даже не приходя в себя. 50% скидок не будет. Тут совсем иная распродажа и реклама ей не нужна. Такое странное ощущение. Слезы бессмысленны, горечь утраты перекрывает многие чувства.

Я вдруг понимаю, что наши отношения теперь тоже стремятся к нулю. Вероятность того, что мы будем вместе навсегда, вероятность того, что мы вообще будем вместе. Это все постепенно истончается и тает. Растворяется, как капля гуаши в банке с водой. Сама Теория Вероятности вдруг работает против нас. Но для меня это очень много — хотя бы один шанс. Целый один шанс. Милый, прости за письмо, я обещала молчать. Но сегодня во сне я видела наш шанс. Видение диагональю 15 дюймов. Я сейчас невероятно свободна, эта свобода мешает мне дышать, она не дает мне спать, она работает против меня. Я могу протянуть руку прямо сейчас и потрогать свою свободу, и от каждого прикосновения я ощущаю боль. Прости, милый, я оставила себе 5%. И скидок не

жду».

Кто только придумал электронную почту. Я даже не получу на это письмо ответа. Интересно, кто подарил тебе ощущения богаче, чем были наши с тобой. Наверное, мне не суждено узнать ответа на этот вопрос, моя жизнь вдруг стала так коротка.

~

Скоро снова появилась Кирочка. Маленькое хрупкое ярко-каштановое существо, зеленые глаза, тонкие губы, изящная фигурка. Улыбается мне, снова я, здравствуйте. Принесла мне апельсины и торт. Спасибо тебе от паразитов-сладкоежек за торт. Она не спрашивает, куда делся Андрей, ее это даже не удивляет. Или они уже начали есть мой мозг, и я не услышала вопроса? Она говорит:

— Кать, когда больно, я иногда кайфую, но это немасохизм. Ведь, чем больнее, тем сильнее кора, которой ты обрастаешь, как дерево, её практически не пробить. Это все ощущаемо. Стена. Кирпичная стена, ты меня когда-то научила — она не перестает меня удивлять. Я хочу перебить её, я восхищена, мне важно сказать ей что-то такое, чего никто ей не скажет, а может, у меня не осталось сил слушать.

Я говорю:

— Ты такая, никто не поймёт тебя, плачешь, когда надо смеяться, смеёшься,

когда все вокруг плачут. Идешь, бежишь, летишь, дышишь, кипишь. Выжигашь себя до последней капли, всю, чтобы снова наполнить. Ты почти веришь глазам, внимаешь словам, чтобы почувствовать это телом, просишь: «Обмани меня, забудь все и обмани. А хочешь, я сама могу тебя обмануть, моя душа плачет, мое тело смеется».

Хочется сказать Кирочке всю правду о ней. Я говорю:

— У тебя не душа, у тебя чистый белый порошок, он нагревается, чтобы вытекать. Ты волна, ты беда, любовь, кровь, морковь, не плачь.

Во мне вообще общежитие. Но я не гадалка. А слова вокруг меня очень близки к бреду, хоровод мыслей. Надеюсь, найдется когда-нибудь лихой ученый словесности, который решится попытать счастье понять все, что проносится в моей голове.

Она продолжает:

— Чувствуешь себя неудачницей, падаешь специально, чтобы подняться, чтобы научиться вспрыгивать на ноги.

Я говорю:

— Но ты же не человек-паук, ты ваза, драгоценность, ты можешь когда-нибудь разбиться. Хочешь, Расскажи мне о себе так: «У меня есть подруга, она такая...» Я поверю, всему поверю. Ваза, драгоценность. Все растворяется в сигаретном дыме, или не сигаретном. Я не помню, что из этого я произнесла

вслух, что из этого говорила она. Теперь я вижу, чем она на меня похожа, беру её за руку: Когда ты на пределе — каждая мелочь имеет значение: слово, взгляд, вздох, аромат, веяние, звук — может вывести из равновесия. А любовь — это всегда предел, вечный риск, будь добра это понять.

— Будь добра понять, что любовь — это те же паразиты, также съедает, опустошает. Заметь, лекарства от неё так же точно нет. Все зависит, возможно, лишь от иммунитета, - я почти кричу, а она снова улыбается. Может, на самом деле я просто молчу? Я думаю, что своего бывшего парня, которого она любила, который любил её, того нелогичного, она убила, или свела с ума, или он сам убилися — верное решение. От любви до ненависти — один лишь шаг.

Я говорю:

— Если честно, я бы с радостью погрузилась в мир ярких красок, масляных мазков, расплывчатой легкой акварели. Я бы пила зелёные, желтые, красные коктейли и видела бы синие подсолнечники. Оранжевое небо. Зеленых собак. Сиреневых котов. Бирюзовый дым розовых сигарет. Возможно, когда сладкожежки примутся за мой мозг, так и будет, тогда я буду рассказывать все именно так. Не удивляйся, если вдруг что. Наверное, яркий мир куда лучше нынешнего.

Я все еще говорю:

— Если вдруг мир кажется слишком радостным, надо сходить в больницу, включить новости, посмотреть на грязных бездомных детей на городских свалках, которые рады гниющему куску хлеба, на пожилых людей, которые встречаются на тех же свалках. Полюбоваться, как опарыши обгладывают трупы собак по-над дорогами. Оголяют белые скелеты чьих-то бывших друзей. Эй! Бимка! Ах, ты мой послушный пес! Озорник. Принеси палку. Он не принесет. Никто не принесет больше тебе палку, подумай, зачем тебе эта долбанная палка, когда твою любовь обглодали опарыши?

— Когда-нибудь жизнь покажется не такой уж веселой прогулкой на шпильке в 9 см в трикотажном бирюзовом мини в стиле клуба Studio-54 с открытой спиной и невероятной драпировкой. И ты перестанешь шутить со смертью. У неё осталось очень мало чувства юмора, она его растратила, думаю, что проиграла кому-то. Уж поверь. Времени у неё для этого было предостаточно. Девочка молчит, потом берет сигарету, смотрит на ней. Думает. Какой смысл думать о сигарете, если в ней нет ничего умного. Сколько именно дыма задержит этот маленький фильтр, он тоже не железный. Горящая сигарета — это целая жизнь, которая отпечатывается желтыми разводами на фильтре. Производство искусства — это желтые

разводы на фильтре. Продавайте сигареты знаменитостей и будет вам счастье.

Кирочка знает, как порой протягиваешь руку, трогаешь ею другого человека, чувствуешь его тепло, как вспотела его рука в твоей. Это значит, что он живой, он дышит, его недостатки — это тоже проявление его жизни. Он болен, он устал, он спит, он храпит, у него похмелье, он не брит. Но он твой! И никуда от него не денешься! Он вечно занят на работе, он вечно голодный, ему часто скучно, он постоянно курит или общается с друзьями, у него в кармане пульт от телевизора, потому что он не может жить без тупых и ограниченных американских комедий, он постоянно на своей волне, он знает наизусть всех футболистов современности. Но он твой! Ты ведь и сама не подарок. Она рассказывает мне о новом увлечении.

Где-то я уже видела такого человека. И ледяные кристаллы голубых глаз. Меня пронзила молния шока. От макушки и до самых ног. Я все поняла. Внутри вдруг все заболело, резко, отчетливо во мне все прояснилось. Руки мои опустились.

И она говорит, она говорит, говорит потом о каком-то взрыве, плывет передо мной в дыме, в тумане. Я, наверное, бы упала сейчас бессильно, но я держусь за стол. Маленькая фигурка тает, что она таит в себе, о чем речь, что за взрыв. Я

не хочу, чтоб она замолкала, девочка! Говори мне про Андрея! Твои слова мне пригодятся, когда-нибудь. Я начинаю понимать, к кому он ушел от меня, но хочу знать о нем все, слышать хоть что-то, увидеть хотя бы отражение его образа в чужих глазах. Я хочу впитывать ее слова, как человек хочет глоток воды в пустыне.

Вдруг она устремляет внимательный взгляд прямо на меня. Я пытаюсь сфокусироваться на ней, вернуться в эту комнату, в это время, обратно, откуда-то доносится тихий голос:

— А ходите ли вы к врачу?

— О, да! — я улыбаюсь, это и все, на что меня хватило. Я уже привыкла: заходишь, покупаешь себе голубые кулечки на ноги за 3 рубля, одеваешь их на обувь. Теперь у тебя новая обувь, возможно, она не всегда подойдет под твою сумочку. Кому-то не подойдет, а мне лично — супер! Под цвет глаз. Похороните меня в голубых кулечках на ногах. И не закрывайте мне глаза, иначе все будут заиклены на том, что я истощена, а ведь у меня такие красивые глаза, они так часто раньше смеялись, сколько всего доброго они видели в жизни. Она засмеялась, наверное, я произнесла это вслух.

— Я рада, что развеселила тебя. А теперь я устала, прости. Ты мне много поведала сегодня.

Голубые кристаллы холодных глаз.

Капелька гуаши. Она рассказала мне всю мою жизнь. Ее ощущения с ним такие же, как и мои. Он такой же, как и со мной, как и до меня.

~

Синие кулечки — на подиумы! Давайте посмеемся и над жизнью тоже, мы же с вами все такие весельчаки.

~

Дальше.

«Что я хочу всем этим сказать? Откуда я знаю, если б я знала, я бы сама успокоилась. Выходит, что мы с легкостью растоптали то, о чем даже боялись говорить, то, чего может даже не быть ни разу в жизни, то, без чего все в мире становится несчастным, серым, чужим, ненужным, одинаковым. Растоптали то, что видели во сне. А раньше мы забывали о времени, оставаясь наедине. Мы не могли разомкнуть рук, когда они прикасались друг к другу.

Когда-то Моцарт тоже был попсой, его не ценили. Теперь он стал стеклом, мифом, легендой, воздухом, ароматом, облаком в небе. Его обожают, ему подражают, его оценили. Возможно, обратный поп-арт убьет сам себя, возможно, электро-кэш со своей отобранной красотой покончит со всем

остальным. Тогда мое обезображенное счастье перестанет давить, тоже станет попсой, моей личной. Время лечит. И тогда я смогу перестать дышать. Не будет смысла. Ведь мы продолжаем убивать то, о чем даже боялись говорить. Красота Мэй Уэст не может ассоциироваться только с Kiss от Heller, но она, возможно, не дошла бы до нас без Дали. Мы же не роботы, совсем не роботы, абсолютно не роботы. Хотя я иногда так об этом жалею. Мечтаю, что могу нажать на кнопку и все забыть, или могу нажать на твою кнопку и заставить тебя вернуться. Мы забывали о времени, оставаясь наедине.

Теперь я забываю о времени, когда вижу во сне твою улыбку. Самую нежную. Прости, я взяла её с собой. Теперь я боюсь проснуться, потому что тебя нет рядом».

Кто только придумал электронную почту. Вряд ли я получу на это ответ.

~

Жизнь вокруг меня проносится, не помню даже, что было, как это было. К чему в итоге я пришла к нему. Андрей не выходил из моей головы. Каким-то образом я узнала, где он сейчас. Для чего, почему. Этого сказать не могу, слишком путаные показания дают мои мысли. И вдруг внезапно я поняла, о чем сейчас мечтаю. Ответ вдруг стал

для меня настолько близок, он лежал все это время на поверхности и ждал, когда я замечу его. Все настолько легко и просто, что становится смешно.

— Я пришла к тебе, потому что не могу без тебя больше жить. Смотри, что я принесла. Я хочу, чтоб ты меня убил, хочу, чтоб все прекратилось. Я все равно уже не могу. Вот возьми. Не бойся. Просто пистолет. Давай скорее, ведь твоя маленькая хрупкая каштановая девочка может вернуться. Какой прелестный у неё пес. Бимка?

— Давай, стреляй! Ну! Ты все равно уже убил меня, слабонервный, милый, любимый, стреляй, я ненавижу тебя, от любви до ненависти ни одного миллиметра. Это одно и то же! Я бы зарезала тебя с радостью, но у меня не хватит сил. Стреляй!

Ты взял в руку это произведение искусства. Он заряжен, специально для тебя. Бимка лает так пронзительно, милый беленький пушистик, такой прелестный. Лучше бы я тоже тогда завела себе пса вместо тебя.

Славный, хорошенький, Бимка. Кирочка любит тебя больше, чем Андрея, и правильно делает.

— Я всего на пару минут, ты просто нажмешь на курок, и я уйду. Моментально. Прощай милый.

Я уже ору на него:

— Стреляй, трусливая скотина, ты, тупой ублюдок, разрушил мне

остаток жизни! - и трусливая скотина выстрелила, нажала на курок. Теперь начинается внутренняя баллистика. Все так медленно, я проникаю внутрь пистолета. Я могу глазами увидеть этот миг, мй последний миг, то, что наконец поставит точку в моей пустой жизни.

Капсюль нагревается байком, капсульный состав воспламеняется, лучи пламени проникают сквозь запальное отверстие капсульного гнезда и поджигают пороховой заряд. Ты, может, мог бы тоже это увидеть, если бы посмотрел в дуло, но не советую тебе это делать. Все произойдет так быстро, что ты ничего не запомнишь. Время остановилось.

Какой милый пес! У него такие добрые глаза, он смотрит то на меня, то на Андрея. Масенький комочек радости и доброты. Кирочка точно любит тебя больше Андрея.

Когда загорается пороховой заряд, достигается нужное давление внутри патрона, тогда снаряд начнет двигаться под давлением пороховых газов по каналу ствола, так что лучше не смотри в него. Это может быть опасно, да и вряд ли ты успеешь что-нибудь запомнить. Пороховые газы будут сопровождать снаряд, пока он не вылетит в цель.

Какой милый пес! Прощай. Надеюсь, что в следующей жизни я буду похожей на тебя. Выстрел. Все произошло за какую-то секунду. Резкий выстрел,

взвизг, громкий вскрик.

— Да ты просто урод! Что ты сделал.

Собака — это друг человека. Милое, честное существо. Бимка только и успел, что чуть слышно пикнуть. Белый комочек любви.

— Зачем ты убил пса?

Символ дружбы, и любви. Преданности и теплоты. Ничего. Опарыши съедят и этого пса. Им ведь не привыкать. У меня текут слезы, но я их не замечаю, так мне больно.

— Милый, убитая собака — символ чего? Скажи мне, что ты видишь? Как ты видишь? Я буду стараться смотреть так же, буду смотреть твоими глазами на мир. Хочу понять тебя, но не могу. Кажется, было бы справедливо убивать только в том случае, если это необходимо нам для существования, для продолжения жизни. Цепи питания. Ешь теперь эту собаку. Даже мои паразиты оказались благороднее, милый.

Это пронеслось мимо меня или я произнесла вслух?

~

Я читаю твои мысли у тебя на лице, в твоих голубых глазах. Все как всегда, никакой загадки. Ты никогда не был для меня загадкой. Ты растерян, я знаю, что ты мечтаешь, чтобы я ушла. Но ты этого не скажешь, будешь заложником собственного страха, лучше своего, чем

чужого.

Вот, теперь ты начинаешь говорить о том, о чем тебя никто не спрашивал:

— Когда я был с тобой, я даже не думал о других девочках, — ты напуган.

— Я не целовал никого, кроме тебя, — ты очень напуган.

— Мне было так хорошо. Ты была моим смыслом жизни, — слушай, а пистолет нагревается от выстрела?

— Я верил, что мы будем вместе навсегда. Я не могу лишь понять, в какой момент я сдал, в какой момент вдруг встретил её. Это жизненные процессы.

— Да, милый, это процессы, — по законам жанра мне бы сейчас равнодушно затянуться сигаретой, но я не курю. Андрей пытается выудить воспоминания, стоит напротив меня, сейчас начнет обнимать, целовать. Как он предсказуем. Притянет к себе за талию. А мне все безразлично, я даже не могла подумать, что я стану такой безразличной в этот самый момент. По лицу текут слезы, Бимку теперь невозможно спасти. Я столько раз представляла себе этот момент, когда Андрей захочет вернуться, снова станет меня целовать. Где же мои страдания, где моя страсть, где мои ответные поцелуи? Я молчу.

— Эти твои слова, милый, к чему они? Проведи рукой по волосам, тронь мою шею, плечи, обними меня крепче, поцелуй еще жарче. Снова тронь шею.

Теперь уже губами. Я все та же. Все так же просто. А ты все тот же, такой же послушный. Снова целуешь, снова не отпускаешь, мне снова горячо с тобой. Я не скажу тебе, что на самом деле мне уже глубоко все равно. Я не скажу тебе, что сейчас ты сделаешь ошибку. Ты и так все знаешь, продолжай. Будь послушным, будь ведомым, мягким пластилином, — этого я точно не говорила, он и сам все знает. У меня нет сил сопротивляться.

~

Дальше.

Теперь мне жаль твою девушку. Маленькую Кирочку. Ты убил её собачку. Ты изменил ей со скелетопоподобными прошлыми чувствами, которые уже почти канули в лету. Как много ты за сегодня успел. Интересно, о чем ты думал, чем ты думал? Воздух, облака, которые принадлежат небу. Волна принадлежит воде, белый цветок принадлежит стеблю, крыло — птице, как капля — дождю.

— Когда она вернется, что ты ей скажешь? О её собаке, о том, что ты делал сегодня, как провел день. Как ты вспомнил о том, что все еще хочешь своё прошлое. Как ты пристрелил пса. Загасил. Скажи, что это была самооборона, скажи, что не знаешь, откуда взялся пистолет. Чисто случайно. Бешеная маленькая собачка напала на

тебя, какое счастье, что пистолет был под рукой! Ненужная преданность, мертвая верность, любовь в луже крови, расскажи, как ты расколол череп вашим чувствам.

~

А лучше, расскажи ей о погоде на Юге Италии. Дальше по сценарию.

~

А мне пора уходить. Мне уже давно пора уходить совсем. Снова начинаешь что-то говорить, совсем что-то не то, я помолчу, я же предупреждала, что мне все безразлично. Или забыла предупредить? Я бы убежала.

— Милый, ты жалеешь о том, что случилось? — я имею в виду то, что было между нами.

— Нет.

— Ой, только не лги мне. Хотя твое дело.

— Я подонок, животное, негодяй, — слова из тебя прям выпадают на пол и разбиваются огненными каплями. Это уже не гуашь. Это страх, ты паникуешь.

— Ты прав, как никогда, — я не хочу ничего комментировать, через боль придет к нам очищение.

Отрежь себе палец, тогда ты поймешь, что эти твои проблемы — ерунда. Это тот самый цикл сравнения. Ты

плохо посещал мои лекции на кухне. Спроси свою подругу, она была почти на всех. Торт и апельсины. Спасибо от паразитов-сладкоежек.

— Прости, милый, мне скучно, прощай милый. Дарю тебе твою растерянность целиком и полностью. Твой трепетный, острый, как игла, страх. Голубые кристаллы холодных глаз. Ты прав, что вызываешь мне такси, ведь говорить уже нечего, некому, незачем, я не твоя. Даже сладкоежки поняли суть происходящего. Они жалеют лишь о том, что мы не можем забрать трупик собаки с собой на ужин.

Разбирайся сам с ним. Любовь в луже крови.

Ненужная преданность.

Убитая верность.

Со мной ты даже не смотрел на других, а то, что было сейчас между нами — далеко не поцелуй. Замкнутый круг сравнения.

— Все, мне пора.

То, что произошло, заставило меня стать иной.

~

Больше я не приходила к нему никогда. Возможно, вам интересно, люблю ли я Андрея до сих пор. Люблю.

Я люблю его, как прошлое, люблю так, как будто бы он умер, а ведь о покойниках не говорят плохое. Ко

мне внезапно пришло осознание фразы: «В одну реку нельзя войти дважды». Это действительно так, и эта река называется Временем. Как ни заставляй себя, но ты не сможешь воспроизвести все в точности, как было. Все видоизменяется, чувства, люди, события не могут повторяться.

Ты думаешь, что, оставив свои чувства замороженными на полгода, год, десять лет, найдешь потом их в том же виде, что и раньше. Но это не так. Сохраняя образ в сознании и в сердце, ты думаешь, что настоящая действительность соответствует твоим воспоминаниям. А, соприкасаясь с ней, ты все дальше и сильнее убеждаешься, что ошибаешься с каждым днем все более жестоко и больно.

Ведь не стоит надеяться, что развитие всего идет с одинаковой скоростью. Три плоскости: ты, тот, кого ты любишь, и само чувство. Чем больше времени проходит, тем дальше уносит река времени их друг от друга.

Ты путешественник, который вернулся через многие годы в родной край и не увидел ничего, кроме обуглившихся остов зданий, которые разрушил пожар. Все, что ты привык здесь видеть, погибло. И это не ты виноват, что уезжал, и не твой город. И даже не пожар. Виноватых нет, просто река времени сметает все на своем пути.

Любовь заставляет двигаться вперед, а

мои паразиты, считающие дни до моей смерти, заставляют ускорять движение. Может получиться так, что в этой безумной гонке ты оставишь позади все на свете. И всех. Храни воспоминания.

В один момент могут рухнуть ценности, когда ты видишь, что твой идеал совершенно деградировал. Будь к этому готов.

Это не значит, что любовь умирает, она живет, но все в том же прошлом, что и твой недавний идеал. В настоящем ее уже нет и не будет. В настоящем есть ты, твои начинания, новые знакомые, новые увлечения, новая боль.

Оставить страдания тем, кто в них нуждается больше, — это важно. Когда страдания доделали свою работу, о них нужно забыть. Слезливые песни о любви перестали действовать на тебя, как раньше, а в их словах для тебя больше нет смысла. Любовь — это либо страдания, либо полный застой. Самое большое потрясение, которое может преподнести для тебя любовь — это расставание или разлука.

Когда вдруг осознаешь, как далеко позади остались те, кто когда-то нашел тебе замену, становится их жаль. А жалость не лучшая приправа для любви.

~

Дальше.

Наше кино закончилось, он уже снимается в другом фильме, с новой героиней. А я по сто раз пересматривала старое.

Зачем Андрей вновь пришел, он, наверное, и сам не знает этого. А кто знает? Спроси у облаков, что принадлежат небу. Они ведь иногда совершенно скрывают его, даже не оставляя ни одного голубого островка. Кто из нас облака, милый, я рада тебе. Проходи.

— Ты позволишь мне?

— Я не судья и не инквизитор, входи, честно говоря, я не так уж и удивилась, скорее, я ждала его приход. Сейчас снова будет много говорить. Вероятно, он даже придумал заранее, что именно он мне скажет, только потом все забыл, когда увидел меня. Я ведь продолжаю меняться.

— Все получилось так странно, я сам как будто не принадлежу себе.

— Мне тоже не принадлежишь, и что все это значит. Вернулся, а кто тебя звал? Кирочка прогнала тебя. Все понятно. Я бы тоже прогнала, но мне слишком все безразлично. Нет, я простила тебя. Было бы что прощать, давай проходи уже, не бойся. Громкая музыка, ах, да. Я и не заметила. Как раз сделаешь мне укол.

— Девочка моя, я не знаю, что со мной происходит. Меня как будто два. И это ужасно. У тебя новое лекарство? Оно может тебя спасти?

— Андрей, откуда я знаю, виски, ром, водка? У меня вместо головы жестяное ведро, а ты по нему стучишь. Да и вряд ли нам что-то поможет. Лучше расскажи о погоде на Юге Италии. Договорились?

— Ты не одна? — я смотрю на него с удивлением. Какие глупые вопросы. Естественно, я не одна, у меня есть почти постоянный доступ к обезболивающим опиатам, как думаешь, такой человек может остаться один? Паразиты-наркоманы-алкоголики. Это все они требуют.

— Ты не одна, — он погрустнел.

— Но ведь и ты не один. Новая девочка. Была. Любовь в луже крови, - я знаю, что она его выгнала почти сразу.

— Я не один, я с тобой. Я на самом деле принадлежу тебе, просто я не знал, — врет.

Снова бред, ведь всем известно, что мы принадлежим воздуху.

Он продолжает:

— Воздух пахнет тобой, у воды вкус твоих губ, а небо смотрит твоими глазами.

— Андрей, беги от меня, я не буду меняться, у меня уже нет на это все времени. Расскажи кстати, над чем ты сейчас работаешь? Я же знаю, что ты постоянно работаешь, несмотря ни на что. Это будет Роза Цвета Индиго?

Отчего ты снова тут? Мне это не так уже и важно. Теперь мне важно, что ты смотришь, говоришь, протягиваешь

руку. И все это мне? Как там в Италии? А ведь мне сегодня приснилось, что ты придешь, что мы будем разговаривать. Миллер бы, наверное, сказал, что это к ухудшению здоровья или к предательству. Во сне я смотрела твои фотографии, ты был на них не похож на самого себя. Но я знала, что это ты. Миллер бы сказал, что это к обману. Ну что ж. Обмани меня, если хочешь. Но только так, чтобы мы больше не расстались.

Мне придется учить тебя делать мне новый укол. Он жутко болезненный, но, оказывается, к боли можно привыкнуть. После него настолько больно, что тело сковывают судороги, как будто я резко нырнула в воду с температурой в 5 градусов по Цельсию. После него я целый день не могу даже ходить. Но потом почти три дня о паразитах почти не слышно. Такие дела, укол будешь делать раз в неделю. А кстати. У меня масса обезболивающих средств. Написано, что для каждого дозировка должна быть ничтожной, но ведь про то, что их нельзя принимать сразу все, вместе ничего не написано. Потому я употребляю их все сразу и отрубаюсь моментально.

— Ладно, поживи у меня. Я, правда, не знаю, зачем тебе это все, но раз уж так. Виски? Ром? Водку? Ой! Прости, водки нет. Нет, ты что, я не пьяна и я не под кайфом, я оторвана. Какой странный

взгляд у твоих глаз. Это твои глаза? К тебе можно прикоснуться? Ты похож на стекло.

Я смотрю со стороны, как он выгоняет моих новых друзей, настоящих друзей, ведь настоящие друзья – это те, кого ты можешь купить. Или нет? Мои ноги подкашиваются, я хочу опуститься на пол, хочу расслабиться и просто лежать. Он подхватывает меня.

Ненужная преданность, любовь в луже крови, мертвая дружба. Где я? Все плывет, откуда-то ветер принес голоса – щебет птиц. Весна.

— Милый, ты принес весну, распахни окно, там все залито солнцем. Снег? Зима, откуда тогда птицы. Я четко слышу щебет птиц. Спать. Пора спать. О птицах я подумаю, когда проснусь. Ложись рядом. Расскажешь мне, почему тебя как будто два, как ты скучал, как я нужна тебе. Пусть нам приснится дом со стеклянной стеной с видом на море. Норвежский рай. Добрые эльфы и единороги. Розовые ящерицы.

Да здравствуют психотропы и анаболики. Наверное, он ласково уложил меня спать себе на плечо.

Странный сон. После него я буду рассказывать сказки о Брахмапурском стандарте, покажу верную и прямую дорогу за золотым руном, помогу бросить курить или успокоить нервы с помощью акупунктурных кнопко-насадок на внешнюю сторону правой

ладони в убыльный месяц пятой недели весны, продам все государственные секреты Атлантиды, а также Закрытой коммуны зулусов.

Теперь я мечтаю стать чернокожей моделью-интеллектуалкой Гарри Печчинотти и слиться с черным муранским стеклом имрамором порторо в миланском офисе D&G, случайно забыть там свою расческу, шампунь, сумочку со всеми вещами и поехать за новой партией вещей, бросить монетку в старинный итальянский фонтанчик, камушек в эксклюзивную вазочку, стеклянный стол, окно.

Или оказаться в Италии после времени Муссолини: с утра бокал Veuve Clicquot, вечером — пара капель французских духов, а ночью банальнейшая смесь (даже не коктейль) из старого доброго бакардоса с американской пепси-колой в стеклянных бутылках, на секунду стать Анитой Экберг у Фелини и купаться в фонтане на площади Испании, лучше сгореть под палящим солнцем Casta Diva, чем замерзнуть в снегах, в любых снегах.

~

Анаболики и психотропы, анаболики и психотропы – привет! Обезболивающие и опиаты — да здравствуйте! Это не я, это все они. Странный сон. Мой милый доктор, спасибо за новые лекарства.

Нам часто не хватает честности. Вернее мы редко можем заработать на нее достаточно смелости. Ведь, по сути, честность — это разменная монета смелости.

Где набраться сил, чтобы сказать человеку, стоящему перед тобой, смотрящему родными глазами, что ты сожалеешь? Откуда берутся силы, чтобы обнять самых близких и попросить у них прощения? Как взять себя в руки и поблагодарить за любовь и верность?

Милый, теперь ты знаешь, что просить прощения намного сложнее, чем прощать. И где эта грань? Когда ты можешь побороть страх, сделать первый шаг. Это от избытка сил? Или от бессилия?

~

Так мы и стали снова жить вместе, не потому что я его простила, а потому что мне было скучно. Андрей превратился в скомканный кулек, стенки которого слиплись от воды. Бывают такие кульки. Если налить в них воду, а потом вылить, то одна стенка прилипнет к другой. Кулек будет выгладить пустым и жалким. Андрей выглядел почти так же. Если не считать того, что он божественно красив.

Между нами теперь была натянута электрическая стена, за которую ему нельзя было переступить, стена из моей

боли. То, что он сделал со мной было хуже того, что делали паразиты. Только это не имеет значения.

Моя система ценностей приобрела совершенно иные очертания, главное было во время сделать обезболивающий укол, чтобы позволить червячкам продолжать лакомиться моим мясом. Никогда не стоит связывать свои цели с каким-то человеком, потому что люди приходят и уходят. И цели тогда придется менять.

Лучше всего мне удастся веселиться в этом моем новом состоянии. Хотя это, конечно, и не я, а демо-версия того, что будет с вами, если вы вдруг перестанете сидеть на зеленой лужайке и кушать экологически чистые яблочки. Если вы вдруг начнете пить, курить и ругаться матом. Хотя, пожалуй, этого тоже будет мало. Заведите себе паразитов — и вы знамениты! Заведите себе паразитов — и вы богаты! Поторопитесь, пока кто-то не завел их раньше. Только у нас паразиты-сладкоежки всего за полцены.

~

Они не дают мне толком спать. Маленькие гады, все время копошатся и ноют, плачут. Просят покушать. Вы не могли бы помолчать? Или вести себя потише. Права одного начинаются там, где заканчиваются права другого.

Кажется, что у моих прав срок годности попросту истек. Дайте мне сна. Я ворочаюсь, возможно, Андрей тоже не спит из-за меня. Он пришел ко мне, чтобы разделить мои последние мучения. Наверное, он думает, что это такое веселое приключение для богатых.

Когда мы первый раз встретились, он говорил мне о том, как в детстве он был поражен работами Гауди. Маленький ребенок, сознание которого вдруг вспыхивает от мысли о том, что все его предыдущие представления о пространстве были неверны. Сейчас он даже не думает, насколько мои представления о нем изменились и превратились в исчерпывающий список того, как поступать нельзя. Слезы разочарования, милый.

Расскажи мне о погоде на Юге Италии.

Я могла бы объявить наши отношения памятником мировой культуры, любви. Я же помню, как ты держал меня за руку, целовал плечи, как смотрел в глаза. Мы сами изобрели для себя идеал, а потом нашли его друг в друге. Наша ошибка в том, что мы не идеальны.

Когда Андрей переехал обратно ко мне, он превратился практически в мою сиделку. Занимался тем, что выполнял предписания доктора. Следил за тем, как я медленно превращаюсь в набор химических элементов.

С другой стороны, все мы минеральные

и органические вещества, которые умеют ходить и бегать. А может, мы просто состоим из энергии и разница человека и стола только в том, что энергия стола более плотная, а человека мягче. Хотя ведь есть еще кости. Их паразиты, вероятно, не смогут съесть. Только изнутри выгрызть. Очередной бред. Пора делать укол. Андрей сейчас снова будет выполнять предписания доктора. Но кому это надо.

Благодаря нашему воображению мы можем в любое время оказаться в любом месте, заниматься чем угодно. Многие из нас даже не могут порой понять, снилось им что-то или было в жизни. Тогда зачем к чему-то стремиться? Если можно представить. Андрей, а зачем ты меня пытаешься вылечить? Ведь можно просто представить. Я хочу представить себе, что у меня есть стеклянная терраса из чистого, прозрачного, ледяного стекла. На ней я могу делать, что угодно, чувствовать себя, как хочу, говорить с кем хочу и что хочу. Эта терраса – мое личное пространство. Я бы отдала за нее всю жизнь. Еще я бы многое отдала за то, чтобы в самые хорошие моменты мы могли останавливать жизнь на том этапе, на котором она находится. Просто загадать момент. Заморозить его. С другой стороны, его ведь можно просто представить.

Я хочу представить то, что Андрей меня по-настоящему любит, то, что

ему нравится быть со мной, хочу представить, как мы первый раз встретились глазами, как первый раз соприкоснулись губами. Я часто думаю о том, как быстро меняется все вокруг и все внутри. Думаю, я не отличаюсь этим от общей массы. Все это пронеслось мимо меня или я произнесла это вслух? Андрей стоял и смотрел прямо на меня. Потом он подошел ближе, сел рядом и продолжал смотреть на меня, в мои глаза. Сколько же стоит тот дом с огромной стеклянной стеной с видом на Норвежское море в спальне? Мне снова показалось, что Андрей целует меня, как в первый раз. Снова пытаемся убедить себя, что любим, как прежде. Какие жаркие поцелуи. От них таит лед.

~

Дальше.

~

Теперь представь на минуту. Ты идешь по улице. У тебя на плече болтается драгоценная, на золотистой цепочке, кожаный сундучок на замочке. Пятеро маленьких детей плачут и просят: «У нас врожденный порок сердца, спаси нас!» Ах, как же тебе их жалко, почему никто не хочет сделать им операцию? Как много ты будешь

говорить с подругами за чашечкой кофе или редкого чая об их боли. Вы будете сожалеть о том, как же несправедлива природа.

Полюби ближнего своего.

Дети просят о помощи. Ты отвечаешь: «Бог поможет». И покупаешь драгоценного крокодила на замочке или пяти метров кожи страуса, задрапированной под драгоценные оборочки ярко-синего цвета. Ты будешь носить такую сумочку с удовольствием, уверяли тебя в магазине. От любви до ненависти один шаг.

~

Расскажите мне о погоде на юге Италии. Расскажите о полетницах, расскажите, что она ощущает, когда отрывает свои крошечные лапки от земли и видит перед собой только голубое небо.

~

Возможно, вам интересно, люблю ли я Андрея. Люблю.

Я люблю его так, как любят прошлое, люблю так, как будто бы он умер, а ведь о покойниках не говорят плохо.

Милый, я теперь понимаю тебя. Я напугана и теряю разум.

Перед моими глазами застывают мягкие пластилиновые колонны, потолки дома Гатло. И создавал Гауди. И кажется, что

само пространство превратилось во что-то большее. Я отвлекаю свои силы от всего, что могло бы их растрчивать, и это отнимает их только больше.

Сейчас мне страшно представить, каким видел мир Дали, как перед его взором рассыпались на атомы люди и превращались в вечность, как перед ним исчезало то, что и должно было исчезать, как динамика происходящего вдруг подчеркивалась статикой. От оборотов, которые порой набирают мои мысли, я вдруг перестаю чувствовать свое тело. Его больше нет.

Я уже никогда не вернусь в себя прежнюю. Река времени сносит все на своем пути. Даже Вечное не может противостоять ей. Она шумит невероятным потоком! Ее невозможно переорать! Ты не сможешь, руки опускаются, маленький бунт подавлен. Обреченность.

~

Если кому-то еще интересно, чем может закончиться подобный бред, не переключайте канал. Наверное, еще остались люди, которые надеются, что все привыкнут к розам из техногея.

Теперь самое главное. Если взять опасную бритву и пытаться вскрыть себе вены, нужно четко понимать, что тебя могут найти раньше, чем ты умрешь. В противном случае, особенно

если делать это неоднократно, то попросту оставишь себя без сухожилий на руках. Не сможешь потом работать своей кистью, как тебя учили в детстве. Или играть на фортепиано. К тому же попадешь в сумасшедший дом. В общем, и рука не будет функционировать, и ты будешь считаться психом. Миллионы психов будут ходить по улицам, решать судьбы людей, а тебя будут считать психом! Это если ты не успел умереть до того, как тебя нашли. А зачем в сумасшедшем доме играть на фортепиано? Кроме того, важно резать вены так, чтобы их не смогли сшить. В общем, целая технология. Лучше даже и не пытаться, просто подождать, пока паразиты доделают свое дело.

Андрей все успел, он знал все тонкости, он невероятно четко все сделал. Его страшная усталость от всего, что успело случиться в его жизни, заставила сделать то, что он, возможно, и не хотел бы сделать. Похоже на шутку, но его больше нет в моей жизни и нет вообще в мире. Он не вынес того, что постоянно приходилось смотреть на меня, он думал, что я страдаю, и сам страдал от этого. Он убедил сам себя в том, что умирает вместе со мной, возможно, так оно и было. Любовь в луже крови. Мир так и не узнал его таланта.

Я не знаю, когда он все это решил, не знаю, откуда он знал обо всех тонкостях, о чем он думал, когда смотрел на острое

лезвие, я даже не знаю, зачем он это сделал. Теперь все кончено навсегда, а он остался в моей памяти. Теперь в одну реку нельзя войти дважды, потому что и самой реки вдруг не стало.

~

Милый, передай приветы деревьям и птицам. Звони, не забывай. Мне было невероятно тяжело, когда я нашла его в ванной, в луже крови. Любовь в луже крови. Он снова оставил меня, теперь уже навсегда.

~

Подари мне соленые слезы Северного океана, ледяные глыбы голубых глаз твоих. Расскажи мне, что ты видел без меня, расскажи мне о вечере, когда на моей коже плавился лед. Я хочу подарить тебе все небо целиком, оно твое.

Хочешь, возьми в охапку все цветы мира — они наши. Весь щебет самых сказочных птиц — наш. Весь песок, залитый солнцем, мокрый от соленых слез. Все скалы, омытые водой, солеными слезами — наши. Обитые водой. Этот мир прекрасен, милый, мы часть его.

А ведь ты обещал, что мы никогда больше не расстанемся. Как я теперь без тебя.

~

Сегодня я снова иду к доктору. Нужно в очередной раз сдавать кровь на анализ, ее уже почти не осталось в моем организме. Любимый доктор выкачал всю. Может, он кормит ею вампиров? Сегодня он подумал, что стоит поменять мне курс лечения, потому снова нужно будет делать анализ. Я могу даже оторвать кусочек плеча для анализа и даже не почувствую никакой боли, настолько я к ней привыкла. Доктор, вперед меня умерла моя любовь. Теперь Андрей точно превратился в воспоминания. Доктор, если хотите, я могу рассказать, как правильно резать вены. Но доктор не хотел меня слушать, он долго смотрел на меня молча. Потом он подошел ближе, сел рядом и продолжал смотреть на меня, в мои глаза. Сколько же стоит тот дом с огромной стеклянной стеной с видом на Норвежское море в спальне? Отвлеките меня от моей боли. Она намного сильнее всего, что я переживала до сих пор. Доктор сказал:

— Понимаете, вы проходите у нас курс лечения уже несколько месяцев, вернее, почти 11 месяцев. Понимаете, тут такое дело. Сегодняшний анализ крови показывает, что вы не больны. Мы не представляем себе, что это и почему, но ваша кровь совершенно чиста. Даже следов этой инфекции у вас в крови больше нет. Я начинаю сомневаться,

что она была. Единственное, что я могу сказать вам: поздравляю, вы больше не умираете, вы совершенно не больны. Наверное, лечение подействовало. Примите мои поздравления. Мне ничего не оставалось, кроме того, что принять его поздравления.

~

Эти слова до сих пор стучат у меня в голове. Тогда я шла домой пешком. Просто смотрела на небо, слушала ветер. Что все это? Перерождение. Мне подарили второй шанс? Но кто? Перед глазами стоял Андрей, он шел рядом со мной. Но его больше не было. Хотя со мной он остался навсегда. И через боль придет к нам очищение. Поток через душу, эта боль выбьет все плохое, как пыль из плеча. Она изменит сильного, поднимет его на новый уровень, сделав его сильнее. Как молодое дерево одевается твердой и грубой корой, сменяя нежную кожу. Слабого это убьет, не оставив ему ни шанса на существование, ни одной капельки живительной силы. Для меня этот монолог — привычные слова, я редко их меняю, потому что они подходят почти ко всем людям без исключения, ко всем ситуациям и событиям. Теперь получается, что того, что изменило мою жизнь, сломало мою любовь, убило того, без кого мне будет сложно научиться

дышать, и не было вовсе. Или он забрал мою боль с собой.

